

«ВЕЛИКОПОСТНОЕ ПИСЬМО» А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА ПАТРИАРХУ ПИМЕНУ: ОЖИВШАЯ ТЕМА ПРОРОЧЕСТВА В ЦЕРКВИ

Имя А.И.Солженицына не нуждается ни в каких представлениях. Значение этого человека в истории нашей страны огромно, а его наследие, без сомнения, будет осмысляться еще многие годы. Думается, особенно справедливо это в отношении церковной стороны деятельности писателя, которая пока только начинает изучаться¹.

Любой эпизод с участием столь масштабной личности может стать событием, из которого стоит извлекать уроки. Ниже предлагается попытка осмысления одного из таких эпизодов не столь давней истории, связанного с ситуацией, когда писатель активно включился в жизни Русской церкви.

Вторая половина 60-х и начало 70-х годов XX века – период, ставший для общественной ситуации в СССР достаточно сложным и драматичным временем. С одной стороны, вторжение советских войск в Чехословакию 1968 г. поставило жирную точку в теме «хрущевской оттепели», став отчетливой приметой наступающей политической «зимы». С другой стороны, инерция «оттепели» оставалась еще достаточно сильной. Указанный отрезок времени был тем кратковременным периодом советской истории – вплоть до горбачевской перестройки – когда не все боялись публично выразить свою позицию, отличную от официальной. Пожалуй, это было особенно характерно для церковной сферы: с приходом Брежнева кончились известная волна антицерковных гонений 50-х – 60-х; ёрническое обещание предыдущего генсека вскоре показать по телевизору «последнего попа» осталось в прошлом. Это вызывало определенные надежды. И в то же время для публичного выражения своей позиции требовалось огромное мужество: тоталитарный режим оставался вполне «равным самому себе».

В 1965 г. такой мужественный шаг сделали в 1965 г. два священника: Николай Эшлиман и Глеб Якунин. В "Открытом письме" патриарху Алексию I, направленном ему в ноябре 1965 года, они выступили с протестом не только

---

¹ Среди недавних работ в этой области можно назвать исследование А.Дударева, специально посвященную церковному аспекту деятельности А.И.Солженицына [1].

против незаконных действий руководителей и уполномоченных Совета по делам религии, грубо нарушающих свое же законодательство, но и против малодушной, с их точки зрения, позиции высшего церковного управления. Они считали, что значительная часть правящего епископата своим добровольным молчанием или лукавым потворством фактически помогла атеистам закрыть храмы, монастыри и духовные школы, ликвидировать церковные общины, утвердить незаконную практику регистраций крестин, уступила им руководство назначениями и переводами священнослужителей. И – были запрещены в служении самой церковной властью.

Приблизительно к этому же времени относятся выступления архиепископа Ермогена (Голубева), заключенного за свои протесты в монастырь, Бориса Талантова, умершего в тюрьме, историка и публициста Анатолия Краснова-Левитина и других.

В этих условиях и набирал силу дар Солженицына – и дар литературный, и дар трибуна-правдоискателя. Активный и открытый поиск правды к тому времени уже ощущался писателем в качестве смысла своей жизни. Везде, где только мог, он считал себя обязанным говорить правду – жизненный принцип, несколько позднее сформулированный им в виде максимы «жить не по лжи». Ярким свидетельством этого стало распространенное им в мае 1967 открытое письмо IV Съезду писателей СССР (известное как «письмо Солженицына о цензуре»). В нем писатель призвал съезд обсудить «нетерпимое дальше угнетение, которому наша литература подвергается со стороны цензуры», обвинил руководство Союза в том, что оно не только ни разу не попыталось защитить своих членов от политических преследований, но и активно участвовало в репрессивных кампаниях, и предложил сформулировать обязанности Союза Писателей по защите своих членов. В качестве примера Солженицын говорил о конфискации своего архива, запрете на публикации и клевете на него с высоких трибун [2].

Подобное свое отношение к жизни распространялось Солженицыным и на церковь. К тому времени он имел совсем небольшой церковный опыт, да и в течение всей жизни по строгим критериям не мог считаться церковным человеком. (Уже сразу после своей кончины он получил от одного из публицистов определение «великого церковного неспециалиста» [3]). Взаимоотношения цельной, самобытной, непреклонной солженицынской натуры и церкви не могли ни с той, ни с другой стороны быть простыми, обходящимися без коллизий. Одну из таких коллизий представляют сложные взаимоотношения Солженицына и о.

Александра Шмемана, тема которых проходит сквозь все его известные, опубликованные в 1985 г. в России дневники [4]. Однако малый церковный опыт и не слишком большое знакомство с тонкостями православного богослужения и богословия не были для Солженицына поводом отказываться от своего правдоискательского кредо в отношении церкви. Он ощущал себя полностью причастным к ее судьбам, позиционируя себя в качестве полноправного члена народа Божьего.

Великим Постом 1972 г. Солженицын пишет знаменитое открытое письмо патриарху Пимену, бывшему тогда предстоятелем Русской православной церкви. Письмо, датирующееся 17 марта, было написано как ответ на рождественское патриаршее послание – обычный официальный церковный текст советского времени, полный кажущихся неизбежными компромиссных формулировок. Однако для Солженицына с его бескомпромиссным правдоискательством эта неизбежность совсем не очевидна. Послание кажется ему неуместно благостным, он не согласен с замалчиванием многих проблем церковной жизни в СССР. Письмо патриарху проникнуто болью и недоумением по поводу того, что церковь в России не выполняет своих простейших призваний. Основная мысль проста: даже и будучи задавленной атеистическим режимом, церковь не должна отказываться от своего свободного, независимого голоса. *«Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как, например, в Польше»*, – пишет Солженицын. В реальности же, считает он, в очередной раз избран путь соглашательства и сервилитета. Причем невиданного масштаба: *«Церковь, диктаторски руководимая атеистами, – зрелище, не виданное за два тысячелетия!»*. Однако эта враждебная мощь атеистического государства, убежден Солженицын, не является препятствием для выполнения Церковью неотъемлемых от нее призваний. Она не является оправданием для лжи, разрушающей церковное тело. Сам дух христианства, напоминает писатель, указывает на путь – жертву. К этому пути он и призывает в письме. Только в жертве, считает он, христианство одерживает победу, как оно одержало ее в свои первые века. Но если тогда христиан бросали львам, сегодня ценой жертвы может быть лишь материальное благополучие.

Письмо в том же году опубликовано на Западе, в «Вестнике РХД» [5]. Легко понять, сколь неоднозначной оказалась реакция на него церковной общественности. Однако интересно, что «водоразделом» в этих оценках стали

здесь по преимуществу границы СССР. На Западе, в русских эмигрантских кругах, оно было встречено с почти всеобщим сочувствием. Так, Н.А. Струве считал письмо вполне своевременным и полностью присоединился к пафосу писателя, заявив, что установка раболепства перед государством может быть, и была закономерна в сталинские времена, но в 70-е годы едва ли оправдана [6].

«Пророчество» – так назвал свой короткий отклик на письмо Солженицына патриарху прот. Александр Шмеман. Он в том же 1972 году также присоединился к писателю в обращении к предстоятелю Русской церкви, призвав его услышать этот голос правды [7].

В самом же СССР реакция, по крайней мере, в самых значимых случаях, была совсем иной. Многие мыслящие церковные люди, в их числе выдающиеся священники, встретили письмо с неприятием.

Такой характер размежевания в реакции на солженицынское письмо уже сам по себе ставит нас перед проблемой. Ответ на естественно возникающие вопросы: кто же прав, чего больше принес Русской церкви демарш Солженицына – пользы или вреда – оказался зависим от того, откуда исходил взгляд на него: из России или с Запада. А ведь и там, и здесь на письмо откликнулись глубочайшие и серьезнейшие люди, по сути, нравственная и интеллектуальная элита своей церковной среды.

Представляется, что ситуация именно такова, что дать ее однозначную оценку крайне затруднительно. Из России и с Запада в самом деле были видны разные, но реальные стороны явления: что-то было лучше видно изнутри, что-то – снаружи. В пользу той и другой оценки имеются веские аргументы.

На традиционном языке церкви, языке библейского богословия, пророчеством, как известно, называется провозглашение воли Божьей. Будучи выражен на этом языке, спор вокруг «великопостного» письма Солженицына, по сути, являлся спором о том, было ли это письмо пророчеством – иными словами, соответствовал ли воле Божьей этот призыв к жертве.

Можно, однако, видеть и другое измерение проблемы: в разговоре о пророчестве в Церкви присутствует не только тема пророчестве, но и тема Церкви. Такой разговор всегда ведется исходя из некоего – явно ли формулируемого или подспудно ощущаемого – представления о сути Церкви, о том, что в Церкви самое главное, самое существенное.

Часто подчеркивают, что Церковь – это единый организм с единой догматикой, эkkлесиологией, формой богослужбной жизни и т.п. Действительно, в рамках так называемой «видимой» церкви есть «канонизированные» институты и

богословские положения, призванные обеспечивать церковное единство. Однако за пределами этой области лежит неотъемлемое от жизни церкви свободное пространство богословствования. Здесь пересекаются, обогащают друг друга, а порой и спорят друг с другом разные взгляды, акценты, мнения, являющиеся плодами личного опыта тех, кто их выражает. Именно здесь можно ощутить, сколь разные люди подчас оказываются призванными в одну церковь. О. Александр Мень, констатируя эту неотъемлемость разномыслия от церковной жизни, так резюмировал одну из своих бесед: *«...если бы на моем месте был о. Дмитрий Дудко, он говорил бы о другом; если бы здесь был о. Всеволод Шпиллер, он тоже говорил бы иначе... и так далее. Каждый говорил бы свое. Значит ли это, что я не хочу считать справедливыми их слова, а они - мои? Нет, не значит»* [8].

Именно это принципиальное разнообразие акцентов в вопросе о сути Церкви мы видим в реакции выдающихся церковных людей на «великопостное» письмо Солженицына, казалось бы, полностью сошедшихся в непризнании его пророчеством. Эта единая отрицательная оценка меньше всего похожа на дружное, монолитное неприятие. Скорее это спектр мнений и раздумий, отражающих специфику представлений каждого участника спора о Церкви. Этот спектр и высветил своим обращением к патриарху Солженицын, и это разнообразие мнений заставляет задуматься и нас самих: что каждый из нас в Церкви считает главным, что для нас составляет ее суть.

Английская исследовательница советского периода жизни Русской православной церкви Джейн Эллис в своем историческом очерке о церковной жизни в СССР определяет суть спора о Церкви, возникшего в связи с письмом, так: **«одни считали, что нужно сохранить Церковь как земную организацию, другие рассматривали Церковь прежде всего как метафизическое тело»**. [9, с.37]. Последнее, видимо, означает, что те, кто одобрял солженицынский призыв к жертве, рассматривали Церковь в первую очередь в духовном плане, в котором произойдет чудо, если только верить и идти вперед, заботясь не о земной сохранности, а о правде Божьей. Представляется, однако, что это не вполне отражает существо разногласий. К метафизике, как мы увидим далее, апеллировали с обеих сторон, а для самого солженицынского дискурса уход в высокие богословские «эмпирии» вообще не характерен – Солженицын, как правило, говорил о вещах вполне ощутимых, хотя и глубоких. Поэтому критерии, характеризующие суть спора, нужно искать иные.

Попробуем с этой точки зрения рассмотреть три ставших наиболее известными отклика на «великопостное письмо». Пожалуй, наиболее резкое, шокировавшее многих верующих неприятие и письма, и самого Солженицына выразил **прот. Всеволод Шпиллер**. (Шокировал даже не столько резкий негативный тон, сколько то, что о. Всеволод не остановился и перед тем, чтобы пространно высказать это негативное отношение как к письму, так и к самому Солженицыну в интервью корреспонденту советского Агентства печати «Новости» (АПН). Ведь само намерение официальной пропаганды взять у известного московского священника это интервью (оно датируется 18 февраля 1974 г.), несомненно, являлось частью антисолженицынской кампании, вскоре закончившейся, как известно, изгнанием писателя за рубеж.) Суть оценки, данной о. Всеволодом, следующая: правдолюбие Солженицына – на самом деле искажение христианского понимания правды. Правда в христианском понимании не отделима от любви. Но именно отсутствие любви, злость и раздражение, по мнению протоиерея, преобладают не только в письме писателя к патриарху, но и в его произведениях, во всей его деятельности [10].

Слова о. Шпиллера создают явное впечатление того, что само понятие любви для него связано исключительно с уходом от мира в метафизику литургической и «молитвенной жизни», а общественная активность – по определению виновна в безлюбности и ничего, кроме «злости и раздражения», в основе иметь не может. Лишь недостаток церковности – о. Всеволод всячески подчеркивает недовоцерковленность писателя – может заставить заниматься подобной деятельностью. Не правы те, пишет о. Шпиллер, кто с пренебрежением относится к «уходу в культ», который, как он убежден, и отличает Церковь от всех прочих, «профанных» организаций. Церковь и мир – два принципиально разных пространства. Существует принципиальный и резкий дуализм Церкви и мира. Этого-то дуализма, этой неотмирной сущности Церкви, по мнению о. Всеволода, Солженицын и не понял и «не захотел к ней приблизиться», оставшись ей чужим с его плоским морализмом. Таким образом, считает о. Шпиллер, Солженицыну оказалась недоступна «глубина жизни». Писатель, по его мнению, не понимает того, что любая «политическая материализация» религиозных энергий эти энергии уничтожает.

Все бы ничего, да только все эти благочестивые выкладки по поводу непонятой Солженицыным «эссенциально-сакраментальной природы Церкви» были высказаны через АПН, тому самого профанному миру, причем той его части, что

позиционировала себя столь враждебно по отношению к Церкви. Да еще в том самом 1974 г. (интервью датируется 18 февраля этого года) – в году решающего давления властей на писателя, когда тот и был выслан из страны. Возможно – если только исходить из абсолютной искренности о. Всеволода – он настолько всерьез считал Солженицына чуждым Церкви, что отмежеваться от него было для него делом долга. Его интервью было опубликовано в "Информационном бюллетене" ОВЦС, а затем в сильно искаженном виде вошло в книгу, изданную по-английски, с целью дискредитации Солженицына, и многие верующие РПЦ сурово критиковали его за это [9, с.67].

Также в довольно суровом духе – правда, в принципиально иной, совсем не публичной обстановке, высказывался и о письме патриарху, и о самом Солженицыне и другой московский пастырь: **архим. Сергей (Савельев)**. И он склонен выносить свой вердикт: «Солженицын о многих говорит и пишет, но цельного образа христианина он нам не дал. И не случайно. Он и не мог нам дать такой образ, потому что его может дать только тот, душа которого растворяется во Христе. А такого растворения в Солженицыне мы не знаем» [11].

Солженицын, считает о.Сергий, не видит глубины вещей, когда возмущается тем, что ей руководят атеисты. «Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище невиданное за два тысячелетия», – цитирует он письмо писателя. И выносит суждение: «Слова громкие, а правды в них нет». То, что власть открыто атеистична – для церкви, считает о. Сергей, неплохо: куда хуже был скрытый атеизм под маской защиты Церкви. Именно так характеризует он синодальный период обер-прокурорства. Именно этой, главной опасности – скрытого атеизма – и не видит, по его мнению, Солженицын. Ведь ни одна атеистическая власть, как бы она ни гнала и ни давила церковь, не в силах препятствовать личному подвигу жизни по Евангелию. Эту-то возможность Солженицын, считает пастырь, и не использует, предпочитая «скользить по поверхности». Для о. Сергия любой уход от вопроса воплощения Евангелия в личной жизни равнозначен уходу из личного измерения как такового. «Для Солженицына христианина как личности не существует», – говорит он, потому что его волнует не внутренняя жизнь, не личное следование за Христом, а вещи поверхностные. Его писания о ГУЛаге, о «массах людей» не имеют никакого отношения к следованию за Христом. Его интересуют массовые явления, а о личности, считает о. Сергей, он забыл.

Церковь для о. Сергия (Савельева), таким образом, – это, прежде всего область личного подвига следования за Христом. При этом его видение церковной

реальности куда менее благостно-триумфалистично, чем у о. Всеволода Шпиллера. Образа непогрешимой, «эссенциально-сакраментальной» Церкви в его взгляде не видно. Слышится недоверие к власти – не только к советской, но к власти как таковой, включая церковную. «Заправи́лы», категорично и с горькой иронией говорит он, и здесь всегда в итоге оказываются «этой породы» (имеется в виду «порода» практических атеистов), даже если они «скрыты в рясах, в драгоценных митрах и прочих регалиях». Церковь скорее носит в сердце человек, не ища ни славы, ни влияния, живущий по Евангелию, и Церковь – именно в таких людях и между ними. Этот акцент о. Сергия становится понятен из его жизни: его христианство неразрывно связано с уходом в «далекий путь» от всякой внешней силы, власти, «массы», публичности, борьбы – ради «родной» жизни в малой общине близких, любящих, тесно связанных друг с другом людей, носящих тяготы друг друга.

Отклик на солженицынское письмо **о. Сергия Желудкова** звучит совсем уж просто. О.Сергий вообще не говорит в привычных для церковной среды терминах богословия и благочестия. Свой главный упрек Солженицыну он формулирует совсем не на основе специфически церковного контекста: *«Вы написали весь мир облетевшее обвинение человеку, который заведомо лишен всякой возможности Вам отвечать»* [12]. Это нечто лежащее совсем в другом измерении по сравнению со шпиллеровской нарочитой отстраненностью от «внешней» жизни, это что-то совсем общечеловеческое и даже почти детское, вроде «так нечестно». Нечестно подначивать того, у кого вывернуты руки: «а дай-ка ты сдачи!».

Но именно в этом, похоже, о. Сергий и видит суть Церкви: в ней нельзя ни к чему призывать другого, если ответ с его стороны заведомо невозможен. Это, в самом деле, все равно, что бить связанного. Нельзя и призывать к жертве кого бы только ни было, кроме себя самого. Такие отношения в Церкви недопустимы. Это простая и ясная мысль, для которой не требуется никакого богословия. Вообще для о. Сергия, судя по всему, явно не богословие, не выкладки о метафизической природе Церкви и т.д. являются источником образа мысли и действия в реальной ситуации. Важнее всего здесь, похоже, для него живая, адекватная, творческая реакция, духовное чутье, способное подсказать правильный ответ. Солженицыну, убежден о. Сергий, это чутье в данном случае изменило [12].

Здесь стоит вспомнить о специфике самого о. Сергия как церковного мыслителя и деятеля. О. Сергий Желудков был одним из немногих в православной среде людей, которые задавались проблемой: на каком языке говорить с людьми о

вопросах веры? В одной из своих бесед о.Александр Мень называет его «русским Бонхёффером» [13, с.189-190]. О.Сергий действительно ставил себе задачу, созвучную тем мыслям, которыми задался незадолго до своей гибели в нацистском застенке немецкий теолог-мученик: в условиях, когда изменился мир, культурный фон и менталитет человека, необходимо найти новый язык для христианства. Для о.Сергия главным вопросом был вопрос о том, как говорить с людьми о христианской вере. В фокусе его заботы были люди вокруг него, современники, ближние. Ради человека, считал он, как и Бонхёффер, должно быть готово измениться христианство – не в сущности Благой Вести, но в формах, в ментально-культурной оболочке.

В православии до сих пор преобладает другой, противоположный взгляд на взаимоотношение человека и традиции – человек должен «смириться», измениться так, чтобы подогнать себя под неизменные, освященные формы, «войти в храм», в незыблемое здание Православия – ведь «все главное, все необходимое и достаточное для нашего спасения уже сказали святые отцы». Поэтому и немудрено, что о. Сергий был маргинальной фигурой в русской церкви. Христианство о. Сергия было непривычно динамичным и диалогичным, готовым изучить язык человека, с которым вступает в диалог – изучить и не постесняться говорить на нем, каким бы чуждым этот язык не казался традиционному благочестию. Таким о. Сергий был не только в мысли, но и в жизни: *«В спорах с церковными людьми он пробуждал свободную мысль... с ним можно было не соглашаться, но его диалог был живым, современным, искренним, талантливым»*, – вспоминал о. Александр Мень. [13, с.192]. Именно о.Сергию как никому другому удавался разговор с атеистами или агностиками – достаточно вспомнить его ставшую известной переписку с физиком Кронидом Любарским.

Коллизия между этой принципиально диалогической позицией о. Сергия Желудкова и бескомпромиссным возвещением правды Божьей А.И.Солженицыным и представляется наиболее интересной в том комплексе вопросов, который рождается в ходе осмысления споров вокруг «великопостного письма». Эта коллизия, думается, выражает важную проблему более общего свойства, суть которой попытаемся раскрыть ниже. Кстати, именно здесь, на этапе обобщения и осмысления происшедших духовных событий, а не в самой непосредственной реакции на них, и просматриваются настоящие суть и назначение богословия. С его помощью происходит обработка нашим сознанием уже пережитого опыта. В сам же момент переживания опыта, в точке

«экзистенциального настоящего» мы, если только событие по-настоящему касается нашего существа и мы вполне адекватны, реагируем не с помощью языка терминов, доктрин и символов, а на обычном, родном, живом, «вросшем» в нас языке. У нас же сплошь и рядом богословие «бежит» впереди опыта, на все есть готовая жесткая схема и рецепт, «как надо».

Итак, обобщая проблему, можно сформулировать ее следующим образом. В жизни – не только христианской, но любой всерьез проживаемой жизни – могут существовать две внешне диаметрально противоположные позиции, которые человек занимает по отношению к другим людям. Условно (в первую очередь не по внутренней, мистической сути, которая может быть разной, а именно по характеру отношению к другому человеку) их можно назвать соответственно **профетической** (или миссионерской, или даже мессианской) и **диалогической**. В переводе на общепонятный язык первая означает стремление донести до других, утвердить среди них нечто, ощущаемое как исключительно важное, в пределе – волю Самого Бога. Вторая означает прежде всего вслушивание в другого, внимание к нему, желание его понять, когда, в пределе, в момент разговора в мире как бы больше никого нет никого в мире, кроме другого и меня.

Образ пророка чаще всего воспринимается как образ человека, занимающего в чистом виде первую позицию, не взирающего ни на что «слишком человеческое», возвышающегося над ним. Пророк с классической картины весь должен быть бескомпромиссной волей, утверждающей собой волю Божью. Если пророк сомневается, если он готов к изменению своей позиции, то это не пророк. Если пророк останавливается перед другим, то это не пророк. Ведь если послание, транслируемое мной, имеет божественный статус, то нетрудно понять, как страшно любое изменение его в процессе взаимодействия с другими.

Диалогическая позиция характеризуется тем, что человек исходит прежде всего из существования другого. Это, безусловно, не означает отсутствия ощущение собственной призванности к тому или иному. Однако состояние диалога характеризуется тем, что нечто в моей позиции в итоге общения может быть пересмотрено, изменено, если окажется, что так лучше для другого.

Пространство диалога совсем не похоже на мир, в котором мы чаще всего живем, на привычный нам мир объектов, замыслов и планов, где люди – средства, а не цели, Пространство диалога – это не мир Петра I или Бонапарта, не говоря уже о Сталине или Гитлере. Может даже показаться, что мир диалога – это какой-то связанный по рукам и ногам мир, где ничего не может исполниться. Не

случайны, скажем, обвинения в адрес того же Бонхёффера и других богословов, призывающих к необходимой, в их точки зрения, диалогической изменчивости христианства, в капитуляции перед «миром сим». Интересно, что и сам о. Сергей Желудков в своем несогласии с Солженицыным не избежал обвинения (со стороны Феликса Карелина) в неверии в Церковь, в ее неотмирную, метафизическую природу и божественный план относительно нее, делающие Церковь непоколебимой [9, с.37-38]. Карелин, по всей видимости, не понял одного в пафосе о. Сергия: неотмирность Церкви создается не метафизическими построениями о Боге и Церкви, а «божескими» отношениями между людьми: Бог в этом смысле ближе к нам, чем нам кажется в представлениях о Нем нашего разума².

Мы, однако, верим, что Христос исполнил так много именно Своим умалением, а не громогласным утверждением неких «абсолютных истин». Как верим и в то, что в своих основаниях глубины жизни личностны, и главное в нашей жизни может произойти в «тихом ветре» встречи с другим, а не в «грозе» возгласений высшей воли и Божьих «планов». Как можем верить и надеяться, что целью Бога является вообще не некий заранее определенный Его волей «план» (который означал бы, что для Бога существует нечто более высокое, чем Его любовь к творению), а каждый человек – а, быть может, и каждое творение³. Именно это упование и может быть богословским выражением той веры, что Бог не насилует личность Своей волей, что именно она прежде всего ценна в Его очах, а значит, огромную ценность имеет и диалогическое измерение жизни.

Отсюда становится ясным, что подлинное пророчество всегда диалогично. Пророческая и диалогическая позиции, принципиально различаясь между собой, вовсе не исключают друг друга. Скорее они находятся в отношении взаимодополнения. Без первой, без энергии утверждения идей и замыслов в мире ничего не было бы ни создано, ни достигнуто, волевая устремленность является основой и поиска правды, и воплощения задуманного. Но нетрудно представить, в

² Кстати, еще раз возвращаясь к вопросу о месте богословия в жизни: стоит почувствовать некоторый парадокс и даже в какой-то мере иронию ситуации. Видно, как одно и то же богословское положение (в данном случае – о неотмирной природе Церкви) может использоваться для подкрепления противоположных точек зрения: если о. Всеволод Шпиллер аргументировал неотмирностью Церкви свое неприятие позиции Солженицына, то Ф. Карелин – напротив, свою защиту Солженицына. Мы же, еще раз подчеркнем, привыкли абсолютизировать богословские формулировки, излишне фокусироваться на них, забывая, что они есть лишь рациональная надстройка над реальным опытом, в лучшем случае – указатели на некое глубинное, невыразимое формулой содержание, и в этом смысле весьма важны, но не тождественны самому опыту и самому содержанию. Богословие оказывается на своем месте, когда претендует на это и ни на что большее. Однако это другая, хотя и важнейшая, тема, которой, впрочем, автор этих строк не мог не коснуться в связи с личностью о. Сергия Желудкова. В этом, думается, и состоит один из его уроков.

³ Подобную надежду, в частности, высказывает католический мыслитель XX в. Антанас Мацейна в своей книге «Бог и свобода» (главы из книги опубликованы в журнале «Вопросы философии», 2008, №4, с. 125 – 137).

какой кошмар превратился бы мир, в котором все во что бы то ни стало, ни с кем не считаясь, утверждали бы свое, свою правду, навязывали бы ее остальным. Или пусть даже и правду божественную, как каждый ее понимает. «Идеальный» фанатик – это именно тот, кто стопроцентно отождествляет Божью волю и истину с содержимым собственной головы. Такой человек самодостаточен, он ощущает себя некой полнотой, для которой другие – только помеха и соблазн, в крайнем случае – лишь «объекты миссии», сознание которых необходимо изменить по собственным лекалам. Именно вследствие такой самозамкнутости людей мир нередко становится войной разных «божественных правд», и остановить эту войну может лишь переориентация сознания с себя и собственных представлений на других.

Сама по себе профетическая интенция человека, таким образом, еще не гарантирует подлинного пророчества, она, в случае замкнутости ее носителя на самого себя превращается в собственную противоположность, в желание переделать все вокруг себя, навязать другим свою волю.

Подобные черты некоторые видели и в Солженицыне – ярком представителе человека профетической интенции. Всю свою жизнь он стремился провозглашать правду, как он ее понимал – и с разным успехом в разных случаях. В случае «Архипелага ГУЛаг» успех ему, безусловно, сопутствовал: мир поверил именно его свидетельству об ужасах советского режима, на которые ранее был склонен закрывать глаза. Однако в других случаях бывало значительно сложнее. Предельная уверенность Солженицына в собственной правоте пугала многих, создавала у них впечатление того, что писатель слышит только самого себя, давала повод для характеристик вроде «православный аятолла» (Александр Янов) или «большевизм наизнанку» (о. Александр Шмеман). Сходными ощущениями, видимо, руководствовался в своей критике Солженицына и о. Сергей Желудков.

Возможно, тенденция ожидать, в соответствии с собственными представлениями (пусть даже и небезосновательными), быстрых изменений от всей церкви и ее предстоятеля, не считаясь с их реальным положением, и обусловила неуспех солженицынского призыва и в рассматриваемом нами эпизоде. Есть свидетельства, что патриарх Пимен, прочитав письмо, лишь с грустной улыбкой предложил писателю «побыть денька два на его месте» [3]. И все-таки язык не поднимется назвать «великопостное» письмо бесплодным. Прав ли в конечном итоге был Солженицын, написав патриарху, или не прав – вне зависимости от ответа на этот вопрос его шаг все же внес свой заметный вклад в

освобождающую струю инакомыслия среди давящей советской атмосферы, стал одной из капель, в итоге продолбивших камень.

Для нас же главный из уроков этой истории, думается, состоит, какой бы банальностью это ни прозвучало, в том, что жизнь сложна. Христианская же жизнь, требующая взгляда из глубины, «с точки зрения вечности», сложна вдвойне. Ситуация, подобная истории с «великопостным письмом», когда сталкиваются чувство собственной правоты и «чувство другого», видимо, в нашем мире неизбывна и может возникнуть перед нами в любой момент. И готовых решений, четко прописанных инструкций здесь нет, есть лишь наша внутренняя готовность или неготовность поступать по совести, живо и творчески. Есть и связь времен, исторический опыт. И только от нас зависит то, станет ли этот опыт для нас источником уроков в школе умения делать правильный выбор, умения поступать здесь и теперь.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Дударев. Экзорцист русской души: христианское служение А. И. Солженцына. Сибирские огни, 2008, №10. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://magazines.russ.ru/sib/2008/10/du7.html>
2. А. И. Солженицын. Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://solzhenicyn.ru/modules/pages/Pismo_4_sjezdu.html
3. П. Умнов. Великий церковный неспециалист. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_56676.html
4. Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 1985, 728 с.
5. Всероссийскому патриарху Пимену. Великопостное письмо // Вестник РСХД.– 1972.– №103.– С.145-149 (// Слово.– 1989.– №12.– С.44-45).
6. Н. А. Струве. Православие и культура. М.: Русский путь, 2000, с.30–31.
7. Прот. Александр Шмеман. Пророчество. // Вестник РСХД, №103, 1972. Опубл. в кн.: Прот. Александр Шмеман. Сборник статей. М.: Русский путь, 2009. С. 781-782.
8. Прот. Александр Мень. Надлежит быть разномыслию. // Мень А. Домашние беседы о Христе и Церкви. М. «Яхтсмен», 1995, 94 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alexandrmnen.ru/books/dom_besedy/dom_besedy.html

9. Дж. Эллис. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Пер. с англ. Overseas Publications Interchange Ltd., London, 1990.

10. Прот. Всеволод Шпиллер. Интервью АПН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://solzhenicyn.ru/modules/pages/Otec_Vsevolod_SHpiller.html

11. Архим. Сергей (Савельев). Фрагменты о церковной жизни. «Православная община», 2000, №56. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.sfi.ru/ar.asp?rubr_id=699&art_id=3335

12. Фрагменты письма свящ. Сергия Желудкова А.И. Солженицыну ("Хроника текущих событий", №25, май 1972). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/chr25.htm>

13. Прот. Александр Мень. О себе. М.: Фонд им. прот. Александра Меня, 2007.

14. А.Мацейна. Бог и свобода. Вопросы философии, 2008, №4, с. 125-137.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Протопресвитер Александр Шмеман

ПРОРОЧЕСТВО*

В Ветхом Завете, в истории древнего богоизбранного народа было удивительное, потрясающее явление: *пророки*. Странные, ни на что не похожие люди, не принимавшие покоя и самодовольства, лезшие, как говорится, на рожон, говорившие правду, возвещавшие суд Божий над всякой неправдой, слабостью и лицемерием. Потом все эти пророчества были исполнены в одном, последнем, Пророке, Которого — зато, что Он говорил правду, всю правду, всю вечную и небесную правду, — вожди, священники и толпа распяли на кресте.

Потом были мученики, была радость Церкви, провозгласившей этого распятого Пророка Спасителем и Учителем мира. А потом потянулись длинные века так называемой христианской истории. И стало ослабевать пророчество. Сами христиане стали привыкать к спокойной и тихой жизни, к миру со всевозможными земными начальниками и вождями, к достатку и благополучию. Мир стал уходить от Бога,

---

* Вестник РСХД, № 103. Париж, 1972. Отклик на письмо А.И. Солженицына Всероссийскому Латриарху Пимену.

забывать про Христа, служить снова своим земным идолам. Пали одно за другим — и как легко! — христианские царства, христианские общества. Но христиане продолжали спокойно все это созерцать и, вздыхая, ссылаться на волю Божию, против которой, мол, не пойдешь.

И вот внезапно проснулось внутри христианства это забытое пророчество. Раздался голос одинокого человека, сказавшего во всеуслышание, что все это — уступка, послушание, компромиссы, извечный мир Церкви с землей и властью — все это зло. Человек этот Солженицын. Сравнительно недавно пришлось мне писать о нем, что главное чудо его личности и его творчества — это его любовь к правде, к правде как к самому драгоценному, что есть на земле. И вот эта правда еще раз прозвучала в его великопостном послании. Еще раз пророк обратился к первосвященнику все с тем же вечным вопросом и вечной мольбой.

Ибо, действительно, трагической особенностью истории Православия нельзя не признать слабость в нем именно тех, кто поставлен строить и созидать Церковь. Вот низлагают в угоду власти св. Иоанна Златоуста, и низлагает кто? Свои же епископы. Вот молчит, немотствует Церковь, когда посылает Иван Грозный на смерть Филиппа Московского. Молчит и тогда, когда лишает ее свободы Петр Великий и делает ее простым департаментом под наблюдением чиновника в прус-- ского фасона мундире. Молчит, когда гонит Екатерина Великая несчастного Арсения Мациевича. Молчит, когда свергает с епископских кафедр и возводит на них жуткий Распутин. И вот уже ничего не остается христианского в самом государстве, и на его месте появляется власть, открыто заявляющая о своем намерении уничтожить веру с корнем. Но опять же молчание, то же послушание, тот же все собою пронизывающий страх...

Нет, мы не судьи. Мы не знаем всего и не на нас лежит страшная ответственность даже за то небольшое, что этой страшной ценой удастся сохранить. Мы знаем, что есть разные пути подвига. Но не может не прожечь нашей души пророческий голос великого русского писателя. И хочется тихо и смиренно прибавить к нему, сказать: «Ваше Святейшество! Нам Вы отвечать не обязаны. Мы не провели, как Вы, десять лет в заключении, на наших плечах нет той страшной, нечеловеческой ответственности, что лежит на Вас. Но Солженицыну Вы можете хотя быт подать знак: "Да, услышал..." Солженицын право на это заслужил всей своей жизнью. И Вы знаете, что вопрос свой и мольбу свою обращает он к Вам от имени миллионов людей».

Ибо горе нам, если мы пророков не слышим и пророчеством пренебрегаем. Слишком много лжи. Слишком много от мира сего прелюбодейного и грешного в истории

Церкви. И не наступает ли час ее внутреннего очищения и освобождения от этой лжи? И не должен ли начаться суд Божий именно с Церкви?

Что бы ни было дальше, мы знаем, что гонимая, в молчании пребывающая Церковь обрела свой голос. Пусть это еще не голос первосвященника и вождя, облеченного полностью церковной властью. Мы знаем, что сила Божия в немощи совершается, что не остается Церковь без духовных вождей, пророков и мучеников, и твердо верим, что врата адавы не одолеют ее.

Прот. Александр Шмеман. Собрание статей. 1974-983. М.: Русский путь, 2009.

2. Интервью о. Всеволода Шпиллера, данное корреспонденту советского Агентства Печати Новости

18.02.74.

На вопрос корреспондента, как я отношусь к мнению о Солженицыне как о “религиозном христианском писателе”, выражающем мысли и настроения церковных православных людей, живущих в СССР, к мнению, высказанному в некоторых заграничных церковных кругах, я ответил:

С Солженицыным я знаком, встречался с ним до того, как он был провозглашён лауреатом Нобелевской премии, и думаю, что читал большую часть его сочинений. Не читал опубликованные за границей в последнее время. Встречи с ним и чтение его на меня производили сильное впечатление. Разное. Но мнение о нём, считающее его “религиозным писателем”, и даже выражающим наши, здешних православных церковных людей, мысли и настроения, я нахожу глубоко ошибочным.

При встречах с ним и при чтении многих его вещей создавалось впечатление, что он повсюду ищет правду, что поглощён стремлением к ней и хочет служить только ей всем своим оригинальным писательским талантом. Казалось, что он живёт правдолюбием. Насколько оно воплощалось или не воплощалось — в его личной жизни, публично говорить и судить об этом нельзя не только священнику.

Воплощалось ли в том, с чем он сам публично выступал, об этом вправе и даже

должны судить все. Я думаю, что правду, как мы, христиане, понимаем её и видим, Солженицын искажал.

Для нас, христиан, правда и добро, как и ложь и зло — больше и глубже, чем просто этические, моральные начала и понятия. В христианском понимании их они коренятся в последней, как мы говорим, в духовной, метафизической глубине вещей. В духовной глубине человека. В той же духовной жизни общностей, обществ, наций, народов, где возникает только им свойственный их характер, их “стать”.

Солженицыну не дано было достичь этой глубины.

Солженицын-писатель не понял, что трагическая борьба в мире добра и зла, правды и лжи — прежде всего духовная борьба. Что зло преодолевается противоположным ему добрым духом. Что ложь обличается правдой, но правда открывается человеку только в любви и любовью. Добро и правда, с одной стороны, и зло и ложь, с другой — принадлежат к противоположным онтологически разным реальностям. Солженицын, исповедующий себя христианином, должен был согласиться с тем, что христианин лишь в любви и любовью может искать и находит единственно чистый источник духовной творческой энергии, обличающей и борющейся со злом и ложью. Её активность не может вдохновляться злобой, ею она отравляется. Тем и страшна диалектика наших чувств, что злость самые лучшие и возвышенные наши чувства превращает в зло и ложь.

Между тем именно её так много во всём, с чем выступал в последние годы Солженицын, с маниакальной уверенностью в своей правоте во всём. Эти выступления поражают отсутствием любви, не сентиментально-расслабляющей, добренькой, а настоящей, полной силы добра и правды и силу эту излучающей. Как бы отсутствие такой любви ни замазывали самыми причудливыми словесными узорами, как бы ни старались отсутствие её — а вместо неё злость и раздражение — превратить в придуманную для него особенную, например, в “зрячую” любовь — чего нет, того нет!

Восприятие же мира, человека, жизни вокруг себя прежде всего сквозь призму бушующей злости — нет, это не христианское восприятие. В духе злобы, в злом духе не от Бога, правда не утверждается, а искривляется и гибнет. Отравленная этим духом, становится полу-правдой, а потом и кривдой. И тогда служит уже не добру, а злу. Не таким должен быть христианский, да ещё и “религиозный” писатель: таким он не может быть.

Теперь о Солженицыне-писателе и о Церкви. Нет в мире ничего выше сострадания и жалости. Не мстительность, а сострадание и жалость должны жить в нас и распространяться не только на безвинно страдающих. И уж кому-кому, как не русскому писателю, знать, что носителями правды и высшего добра только и могут быть умеющие сострадать. Солженицын не почувствовал и не понял глубины и значения этой христианской истины, столь близкой и дорогой всей нашей русской литературе и мысли. Ему оказалась недоступной глубина вещей, где происходит касание “мирам иным”, где совершается укоренение душевной жизни в просветляющем её духе. Не достиг он до сокровенных глубин, до светлого “дна” русского характера. То же самое случилось с его церковностью.

На поверхность самых глубоких волн часто всплывают вещи с совсем небольшим удельным весом. Одностороннему, скользящему по поверхности церковной жизни взгляду Солженицына не дано было увидеть в ней того, что, может быть, действительно делает или может сделать нашу Русскую Православную Церковь солью, без которой нынешнее христианство становится пресным. Христианские церкви во всём мире охвачены кризисом, но не обязательно считать его кризисом веры. Скорее, это кризис понимания Церкви. Главное, понимания действительно лежащего в её основе противоречивого утверждения, антиномии: как следует понимать, что “Церковь не от мира сего. И в мире сем”? Сейчас этот вопрос жизнь властно поставила в религиозном сознании всех христиан, и во всех христианских церквях он вызывает мучительные разногласия.

Два года тому назад в открытом письме нашему Патриарху Солженицын с поразительным высокомерием и пренебрежением говорил о самом дорогом и существенном для церковных людей: о молитвенной жизни Церкви. Так говорить можно, игнорируя неотмирность Церкви, когда её эссенциально-сакраментальная природа представляется в ней чем-то второ- или третье-степенным. А первостепенным предполагается активность, мало чем отличающаяся от активности обыкновенных, принадлежащих миру сему организаций, в буквальном смысле слова профанных. Позицию по этому вопросу справедливо считают одним из критериев, мерилom церковности и нецерковности.

Известно, что западным христианам грозит опасность свести христианство к социальной и политической активности. Это, конечно, своеобразная его редукция. Нас склонны упрекать в противоположном: в чрезмерном погружении в одни только “религиозные нужды”, в “культ”, то есть в редукции христианства с обратной

стороны... притом ради опасного и соблазнительного эгоистического самосохранения в трудных внешних условиях жизни. Упрёк жестокий и несправедливый.

Как мы ищем — и чего это нам стоит — ту черту, которая отделяет “подлинное и праведное охранение Церкви от соблазнительного самосохранения”, здесь говорить неуместно. Но здесь должно сказать, что, может быть, более всего с отысканием этой черты было связано всё, столь трудно переживавшееся нашей Церковью из десятилетия в десятилетие и вошедшее в единственный в своём роде духовный опыт нашей Церкви. Солженицын не сумел подойти к нему даже издалека. Не сумел и не захотел. Вместе со многими лишь приблизившимися к Церкви, но как следует так в неё и не вошедшими, Солженицын-писатель остался ей чужим, подавленным, как нам кажется, слишком для него привычным, плоским, узко и мелко-рационалистическим подходом к вещам и отсутствием любви. Отсюда и требования его к Церкви, уже одной своей формой свидетельствующие, насколько он ей далёк. Требования, высказанные с таким наглым самомнением и ни с чем не считающейся твердокаменной самоуверенностью.

За ними, однако, можно увидеть замысел — может быть, не его или не только его — вместо понятных и более чем позволительных разногласий в нашей Церкви по волнующим всё христианство вопросам, внести в Церковь разъединение, раскол. Создать внутри Церкви опорный пункт действенной “христианской” альтернативы всему советскому обществу во всё. Солженицын не понял, что любая политическая материализация религиозных энергий, которыми живёт Церковь, убивает её, что, поддавшись такой их материализации, Церковь перестаёт быть Церковью. И что безусловный обязательный, священный миссионерский долг её — о котором каждый священник знает, вероятно, не хуже приблизившегося к Церкви писателя — нельзя превращать в прикрытие истребляющей религиозные энергии какой бы то ни было политической их материализации.

Один очень вдумчивый и хорошо знающий Россию и Русскую Церковь английский рецензент книг Солженицына как-то писал: “Его (Солженицына) целью является изменить понимание русскими самих себя и понимание того, где они находятся” (“Frontiers”, vol. 14, № 4, 1971). К этому можно было бы добавить: не считаясь с опытом Церкви, он хотел бы изменить понимание русскими церковными людьми самих себя, своей церковности и понимание того, где они находятся. Это значит стать на один из путей, теперь многочисленных, псевдоцерковности.

http://solzhenicyn.ru/modules/pages/Otec_Vsevolod_SHpiller.html

3. Архим. Сергей (Савельев) о «великопостном письме»

А.И.Солженицына патр. Пимену

Солженицын пишет в так называемом “Великопостном письме Патриарху Пимену”: “Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище невиданное за два тысячелетия”. Слова громкие, а правды в них нет. В том, что в наше время церковью руководят атеисты, сомневаться нет никакого основания. Действительно, это так. Но где он видит этих атеистов? Он видит их в государственной власти. Что гражданская власть атеистична, в этом нет никакого сомнения. И, кстати, это совсем не плохо для христианской церкви. И то, что гражданская власть в известной степени участвует в руководстве церковной жизнью — это тоже очевидно. А как же иначе? Церковь — общественная организация, и гражданская власть не может безразлично относиться к тем, кто осуществляет руководство церковью.

А разве “два тысячелетия” гражданская власть была безразлична к жизни церкви? Может быть, Солженицын считает, что обер-прокуроры Святейшего Синода — “царевы очи” — были все верующие люди? Разве ему неизвестно, что большинство из них были явные атеисты? Или же они были такими верующими, что обер-прокуроры из атеистов были лучше этих верующих людей. Вспомнил бы он хотя бы уж такого стопроцентного, можно сказать, верующего, как обер-прокурор Победоносцев. Если он об этом вспомнил бы, то не мог бы написать, что атеисты гражданской власти нашего времени — “зрелище, невиданное за два тысячелетия”. А я бы посоветовал ему написать, что атеисты гражданской власти нашего времени — ангелы по сравнению с атеистами того времени. Наши хоть открыто говорят о том, что они атеисты и что они ведут борьбу с людьми, как они выражаются, еще не изжившими старые религиозные предрассудки. А атеисты, которым было вверено руководство церковью в то время, носили маску защитников церкви, а по существу были вредителями церкви. Но разве не лучше атеисты открытые, нежели прикрытые? Но внушать это Солженицыну я не собираюсь, потому что он едва ли это поймет.

Но все-таки Солженицын прав. Действительно, церковной жизнью руководят атеисты, только они скрыты в рясах, в драгоценных митрах и прочих регалиях. Конечно, не все. Но заправили безусловно этой породы. Гражданская власть не очень поощряет проникновение в церковную иерархию людей, враждебных современной жизни. Но разве во внутреннюю духовную жизнь церкви она вмешивается? Разве гражданская власть препятствует верующим, и, прежде всего церковной иерархии, воплощать евангельские заветы правды и любви? Может быть, Солженицын считает необходимым, чтобы гражданская власть назначила в церковь комиссара для обучения нас, служителей церкви, как нам следует выполнять свое служение, чтобы быть ближе ко Христу? Но у гражданской власти и без нас слишком много всяких забот. Да и комиссара-то найти, соответствующего необходимости, пожалуй, для нее — дело непосильное. Гораздо проще для нее найти “Смердякова”, и не где-нибудь, а среди нашего церковного брата. Остриг бы этот брат волосы. Бороду бы мог оставить, но подстриженной. А элегантный костюм, по последней моде сшитый по его костям, — это совсем нетрудное дело.

Советская... советская...

Была бы она здорова,

Господи, помилуй

Ее и меня.

Но такого “Смердякова” и искать не надо. Он очень глубоко живет в нас самих. И к гражданской власти наш “Смердяков” не имеет никакого отношения. У нее найдутся свои.

Почему Солженицын не назвал ни одного имени служителя церкви или христианина, которого бы за его личную, семейную и общественную жизнь прославили бы как безупречного последователя Христа и за это гражданская власть его наказала бы? Почему бы ему не только назвать имя такого человека, но и рассказать о его жизни, чтобы он был для нас примером? Солженицын о многих говорит и пишет, но цельного образа христианина он нам не дал. И не случайно. Он и не мог нам дать такой образ, потому что его может дать только тот, душа которого растворяется во Христе. А такого растворения в Солженицыне мы не знаем.

Привести церковь в такое состояние, в каком она оказалась в годину Суда Божьего, а эта година началась в 1914 г. и достигла своего апогея в 1917 г., — это надо было сотни лет разорять душу русского народа, утверждая жизнь под знаменем

Христа, и в то же время подавлять Его! Наши теперешние атеисты — дети по сравнению с теми, которые господствовали над церковью в прошлую жизнь, канувшую в вечность.

Для Солженицына христианина как личности не существует. От личности он бежит, и бежит в безличие, давая поверхностное описание того, что видел в жизни. В этом отношении, как ни странно, он близок к тому, что мы в наши дни переживаем в действительности. Мы не любим говорить о личности как таковой, а стремимся часто прикрывать личность “коллективом”, чтобы не выговаривать о личности до конца. Мы берем ее часто в той степени, в какой это нам нужно для достижения определенной цели.

Точно такое положение у Солженицына. Он может писать о ГУЛАГе, о массах людей, о преследовании, о страданиях людей. Затронет и личность, но только в такой степени, в какой ему необходимо для сведения счетов со своими противниками.

Журнал «Православная община, 2000 г.», №56. http://www.sfi.ru/ar.asp?rubr_id=699&art_id=3335

4. Фрагменты письма свящ. Сергия Желудкова А.И.Солженицыну

(“Хроника текущих событий”, №25, май 1972)

Священник СЕРГЕЙ ЖЕЛУДКОВ, отвечая на это письмо, в апреле 1972 года написал СОЛЖЕНИЦЫНУ: “Должен сказать, что в данном случае Ваша нравственная чуткость в определенном смысле Вам изменила. Вы написали весь мир облетевшее обвинение человеку, который заведомо лишен всякой возможности Вам отвечать... И Вы... сказали не всю правду, полуправду. Полная правда заключается в том, что легальная церковная организация не может быть островом свободы в нашем строгоединообразно-организованном обществе, управляемом из единого Центра... Есть наша строгоединообразно управляемая система, и в ней удивительным образом сохраняется инородное тело - русская церковная организация. Она существует на весьма строго определенных условиях. Работать над церковным воспитанием детей, да и взрослых - нам не позволено, как не позволено и многое другое, что необходимо для осуществления подлинно церковной жизни... Что же нам в такой ситуации делать?”

Сказать: либо - все, либо - ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной системе немислимо? Или же как-то вписаться в систему и воспользоваться пока теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение. Отсюда и происходит все то зло, о котором Вы справедливо написали, и все то зло, о котором Вы умолчали. Но другого выбора не было... Такова полная правда,. Одним из последствий Вашего обличительного письма будет еще большая дискредитация церковной иерархии в глазах тех, кто не знает всей правды...

...уж если писать - так писать не по безответному адресу и писать полную правду... сегодня Вы... обижаете беззащитного Патриарха и нас - не клеветой, а талантливой полуправдой, которая может оказаться для многих вреднее лжи... Легко и безопасно, Александр Исаевич, ругать архиереев; но воистину тяжела настоящая работа Господня..."

В ответ на призыв СОЛЖЕНИЦЫНА к жертвенному пути ЖЕЛУДКОВ отвечает:
Никакого приневоливания к жертве и мученичеству не должно быть в Церкви Христовой. Мучеников же добровольных у нас достаточно - и церковных и нецерковных различение это довольно условно)..."

<http://www.memo.ru/history/diss/chr/chr25.htm>